

Trigo Vazquez. Presidente de Castilla

Лев Толубев-Жачура

Лирика

Басни, стихотворения

Лев Голубев-Качура

Лирика. Басни, стихотворения

«Издательские решения»

Голубев-Качура Л.

Лирика. Басни, стихотворения / Л. Голубев-Качура —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933697-2

Поэзией я увлёкся приблизительно с 2000 года, когда появилась потребность к созерцательности, когда появилось желание высказаться о своём отношении к людям, жизни, природе. Я надеюсь, что ты, читатель, благосклонно примешь моё желание поделиться с тобой своими чувствами и отношением к окружающей нас жизни.

ISBN 978-5-44-933697-2

© Голубев-Качура Л.
© Издательские решения

Содержание

СТИХОТВОРЕНИЯ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лирика

Басни, стихотворения

Лев Голубев-Качура

© Лев Голубев-Качура, 2018

ISBN 978-5-4493-3697-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БАСНИ

МУРАВЕЙ

(басня)

Муравей тропинкой узкой
Жучка засохшего тащил.
И так, и эдак изгибался,
Но видно не было уж сил.
То сзади он к нему подлезет,
То опять вперёд зайдёт,
Но жучок, как был на месте,
Так – ни взад и ни вперёд!
Муравьишке б догадаться
И о помощи к друзьям воззвать,
Вместе бы они, уж точно,
Могли б с сухим телом совладать.

Вот и в наш тяжёлый век,
Каждый сам себе хозяин:
Сам всю тяжесть норовит
На спине своей тащить.

БЛОХА

(басня)

Давно то было, иль недавно...
В одном густом лесу, в каком?
Так сразу и не вспомнить, хоть убей,
Среди зверей один любитель покусаться
И посмеяться над другими затесался:
То был американский блох, а попросту – блоха,
Мужеского пола.
Он всех зверушек – слабых, безобидных,
То за хвост, то за уши потянет,
То больнёхонько укусит бедолаг,
Говоря при этом: «Хочу я посмеяться,

А вы – ни-ни, не смейте сдачи мне давать!»
И так над ними издевался, что бедные:
Раньше жившие свободно, беззаботно,
Теперь боялись из норок вылезать.
Вот так и жил тот блох..., простите,
Американская блоха, всё более наглея,
Кусая всех подряд и насмехаясь.
Наверное, от папы с мамой
Кусачие ей гены с кровью передались.
Всех подряд она кусала: и мышат и поросят,
Даже к птичкам божьим подобралась.
А однажды, совсем уж оборзев, на медведя забралась,
И укусила, и посмеялась.
Всё бы ничего – вреда от той блохи немного —
Жизнь не потеряна, почешется зверёк и ладно,
Но всё же как-то неприятно при всех чесаться.
Блоха, чтоб оправдать свои укусы,
Решила облик правдолюбца на себя принять,
И стать борцом за чистоту рядов звериных.
А осмелев совсем – давай кусать, кусать, кусать,
Не чувствуя преград других зверушек огорчать!
Случайно, а может ветром занесло,
Или с судьбой ей подфартило, но прыгая
С одного зверька на проходящего другого,
Блох промахнулся и на лист бумажный угодил,
А лист тот был из книжки «Робин Гуд».
Блох тот, простите, американская блоха, на общую беду,
Грамоте умела и, прочтя о подвигах английского героя,
Тут же **НИК** английский приняла и **ДЖОНОМ** назвала себя —
Джон, кусаю всех, смеюсь над всеми!
Ей так понравилась такая роль, что она совсем
Уж чувство меры потеряла, и ну давай кусать,
Направо и налево!
Но тут, случайно, блошке на беду,
Мышонок-несмышлёныш в норку пробирался,
И на пути блохе кусучей повстречался.
Она, не долго думая, вскочила на него и укусила!
А он, не зная этого зверька, и надо ли его бояться,
Сграбастал её лапкой и, на острый зубик положя,
Чуть придавил... Блоха тут же сдохла,
Простите, с треском померла!

Мораль? Мораль одна, совсем простая,
Как, дважды два – всегда четыре:
Кусая всех подряд, не забывай,
Тебя ведь тоже могут укусить,
А то и вовсе жизни навсегда лишить!

КОЗЛЁНОК ВО ХМЕЛЮ

(басня)

Козлёнок, как-то во хмелю,
С друзьями верными своими в лес собрался.
Взяли с собой ДУРИ, и ХМАРИ тоже поднабрали.
Спасибо Карабасу, он снабдил их всем!
Через время небольшое – напились и обкурились.
А в таком то состоянии, как только не дурили:
Кто-то рогами стучался об пень, пытаясь забодать.
Другой в колючие кусты забрался по... ть.
В общем, погуляли наши милые козлята славно,
И давай «по маме» выражаться и «погонять»!
В поросят, нет – в свиней тут же превратились,
Стали свиньями визжать и невинные кусты ломать.
Один козлёнок мнил себя поэтом, и рифму подобрал,
Решил друзей он удивить талантами своими,
И, ну давай вещать козлиным гласом о том, как водку пили,
Как ДУРЬ курили и с козлихами шутили...
Короче, козлёнок тот всласть потренировавшись
На спавших под кустами и храпевших друзьях своих,
Решил – чего стесняться, пора и в люди выбиваться,
В журналах разных отмечаться, и... публиковаться.
Назавтра – опохмелившись и ДУРИ снова накурившись,
Свой новый стих он выложил в эфир о том:
Как пили; как под кустами носами землю рыли;
Как у деревьев ветки обломили для костра,
И вокруг всё загадили и захламили...

Мораль сей басни такова:

Уж коль напился ты и об... ся, так не пиши
На эту тему ты стихов, тем более не публикуйся!
Не пачкай грязью журналов чистые листы,
А ты, читатель, таким «поэтам» не рукоплещи!

ЛЕСНОЙ КЛОП

(басня)

Как-то полз по ветке клоп зелёный,
Неказист, но очень много о себе он мнил.
От других зверушек, резко отличался,
Правда, тем, что уж очень он вонючим был.
Кому б не встретился он на пути,
Тот быстро нос ладошкой зажимал,
Или стремглав от вони убегал.
И вот, чтоб стать среди «своих» заметней,
И чтоб лесной народ его всё же полюбил,
Он много думал, а подумавши, решил:
Я буду всё из вашей жизни примечать,
Записывать, запоминать, и докажу,
Что научить многому я вас смогу.
Однажды клоп, пару книжек прочитав,

И дедушки Крылова басни вспомнив
(он их когда-то в школе изучал...),
Правда, о Лафонтене он слыхом не слышал,
Да и о других баснописцах тоже
(тут его багаж знаний заметно подкачал).
Затем, изучив чуть-чуть инструкций пару,
Решил он, что совсем уж умным стал,
И осчастливить может своим он даром.
Повстречав в дороге как-то льва, сказал,
Что рык его пугать зверей уж перестал.
А у слона уши как у носорога,
И хлопает он ими совсем не так.
А ехидне вовсе намекнул, что она...,
Она..., и замолчал – грамоты из двух
Прочитанных им книжек и поверхностно
Изученных инструкций не хватило.
Но задравши кверху нос, сказал с апломбом:
Я знаю всё о вас, и вы мне не указ!

Вот так и в жизни некоторых критиков наших:
Иногда знаний в голове совсем уж мало,
Но критикуют, казаться умными хотят,
А сами в литературе похожи на слепых котят.
Им бы прежде, чем других учить,
Самим бы подучиться малость.

ПРО КОТА

(басня)

Жил-был Кот один на свете —
Славно жил: мёд-пиво пил,
Со сметаной в дружбе был,
И у хозяина в квартире
Иногда мышей ловил.
Но была одна забота
С этим котом —
Гадил он и днём и ночью
То под кроватью, то под столом.
Хозяин всё пытался образумить
Того шkodливого Кота,
Но тот был так в себе уверен,
И продолжал гадить, как всегда.
Долго длилась вонь в квартире,
Но не могло так продолжаться без конца,
Взял хозяин за загривок
Того шkodливого Кота,
И давай его мутузить, и возить мордой
По испражнениям обнаглевшего Кота.
А затем не сожалея, и душою не болея,
Выгнал вон его навсегда.

Если в доме у Вас завёлся
Такой же гадкий серый Кот,
То не стесняйтесь, проучите,
Слов ведь Кот тот не поймёт.

ГЛУПЫЙ МЕДВЕДЬ

(басня)

В одном лесу, хмуром и не очень-то богатом,
Жил косолапый мишка – неплохо жил он в нём.
Питался желудями, корешками и диким мёдом:
Не очень сытно ел, но был доволен жизнью он.
Изредка, в деревню забредая ненароком,
Облагал живущих в ней крестьян оброком:
Обходясь курочкой-несушкой или петушком.
Крестьяне понимали – жизнь тяжёлая кругом!
Так и жил бы тот медведь не унывая,
Если бы в один из зимних, скудных дней,
Не появилась в том лесу шакалов стая,
И не начала обманывать и обкрадывать зверей.
Застонали звери от несправедных поборов —
Голод страшен и для маленьких зверей!
Сообща решили обратиться к мишке:
Ты ведь сильный! Зверушек малых пожалей!
Защити ты нас и наших деток
От незваных дармоедов и убийц.
Мы тебе решили поклониться —
Хочешь, изберём в Совет Зверей?
Взревел довольный мишка громко —
Я вас, зверята, не дам в обиду, защищу!
Я незваных супостатов лихо накажу,
И вон из леса быстро провожу!
Добрался мишка в стан шакалий —
А там уж яства на столе стоят.
Шакалы всей гурьбой встречают,
Хвостом виляют, за посещение благодарят.
Увидев мёд и курочку с поджаркой,
Забыл медведь про обещание своё,
И быстро сев за стол богатый,
Курочку и мёд умял, затем, потребовал ещё!
Забыв о прежнем договоре, от сытной пищи разомлев,
Пообещал шакалам не препятствовать в раззоре
Всех в лесу живущих, доверившихся ему зверей.
Затем, у пенька улёгшись, уснул, громко захрапев.
А шакалы, улестив глупого медведя и дав ему власть,
Теперь уж не чинясь, зверей оброком обложили не боясь,
Принялись в лесу хозяйничать и безобразить всласть,
Зверушек ещё больше притеснять и разорять.
верьки все вместе собрались, и на поиски медведя подались.

Тот навстречу им попался... и в продажности признался...
Его шкура до сих пор украшает зайцам дом!
А шакалы разбежались, как про смерть медведя разузнали!

Мораль сей басни такова: уж коль ты дал кому-то слово,
То, несмотря на разные посулы, подарки и чины,
Сдержи его, не будь похож на глупого медведя,
Зверьки хоть слабые, и с виду неказистые они,
Но могут не простить и, собравшись, жестоко отомстить.

КОНКУРСНАЯ КОМИССИЯ

(басня)

Собрались как-то в день воскресный, короче, в выходной,
Три верных друга – серый волк, и осёл с хитрой рыжею лисой.
Поздоровались корректно и, взобравшись на пеньки,
Меж собою разговор тайно повели:
Кто в лесу на что способен, кто полезней и нужней...
Перебрали, вспоминая, поимённо всех зверей,
Стали думать и гадать, кому пальму первенства отдать.
Но в душе каждый лелеял, что его имя назовут,
Потому их заседание долго длилось, не пять минут.
Первым не сдержался Волк – лихой рубака и ковбой:
Я, сказал волчара грозно, я не просто зверь какой,
Я санитар для леса, я больных отправляю на «покой»!
Ну, а я, перебила Волка хитрая лисица, показав на сувенир,
(И скромно глазки опустив, хвостом вильнула)
О себе не скажу ни слова..., я хочу сказать о... зайце, сир.
Но увидев грозный взгляд свирепого волчары, замолчала,
И не сказавши то, о чём хотела всем сказать,
Продолжила, совсем не в такт, но очень верно... для себя:
Как была я верной вам всегда, так и останусь такою до конца.
Осёл, копытом пень ударив, взревел истошно иа! иа!
Я всю жизнь таскаю тяжесть для хозяев, и я! и я! и я!
И я совсем уж обезножил, хоть ложись и помирай.
Что, лиса, тебе какой-то мелкий заяц меня дороже?
Ты, Волк, ты лисе-то, Волк, слишком воли не давай!
А лиса? А, что лиса! Она всегда хвостом виляла.
И для неё любое слово, награда «сильного» всегда,
От кого б оно не исходило – от Волка или же Осла.
Замолчи, хвастун несчастный, вдруг обиделась она,
Волк, вон видишь, санитар для леса, а ты в упряжи ходил.
Подумаешь, обидно фыркнула лисица, он тяжести возил!
То ли дело волк зубастый, он больных всех изничтожил,
Он трудился днём и ночью изо всех возможных сил.
Благодарно пасть разинув, волк на лисоньку глаза скосил,
И поняв, что победил он в споре, уж не тратя лишних сил,
Подскочил к лисе и, разорвав, тут же ею быстро закусил.
А с Ослом они теперь друзья до гроба...
Осёл всё же по крупнее лисоньки-то был.

ВОЛ, ХОЗЯИН И ОСЁЛ

(басня)

Однажды вол, таща тележку с грузом,
Случайно познакомился с ослом.
Тот тоже был основательно нагружен,
К тому ж ещё и подгоняемый кнутом.
Итак, идя почти что параллельно,
Разговорились – что да как:
Какие перспективы тружеников ожидают,
Да как содержит их хозяин-бюрократ.
О чём ещё случайные попутчики в дороге
Находят тему, чтоб поговорить? —
Конечно ж о погоде, да как им тяжело
На Свете при таких условиях жить.
Вот я, вол промычал негромко,
Тружусь с утра до вечера как раб,
Ни выходных, ни праздников,
А толку чуть – всегда я виноват.
Задумался б хозяин хоть немного,
Прежде чем кнутом меня стегать —
Если бы не я, не моя бы холка,
Кто б ему стал груз возить, пахать?
Жизнь моя ничуть не слаще,
Ответил ослик на жалобы вола.
Я, как и **ты**, в трудах с утра до ночи —
Я, для хозяина — источник богатства и «добра».
ы с тобой, прости меня за пафос,
Продвигаем жизнь вперёд,
Сеём, пашем, даём молоко и мясо —
От нас зависит человеков род.
А хозяин лентяй и лежебока,
Он лишь способен нас кнутом стегать.
Он от **нас** зависим – если бы не **мы**,
Ему пришлось бы от голода страдать.
Да! – согласился вол с выводом осла.
Если бы не я, не ты, Мир зачах бы вскоре,
Не заработали бы фабрики, заводы, никогда.
А люди...? Люди зависимы от нас всегда!
Хозяин, подгоняя болтливую осла,
Подслушал между ними разговор случайно.
Призадумался, затем, огрев кнутом осла, сказал:
Вы думали умны? Нет! Вы два болтливых дурака!
Просто труд, не руководимый кем-то,
Пустую тратой сил окажется всегда.
И пользы никакой от бестолкового труда,
Коль не продуман план от начала до конца.
Когда нет творчества в реализации его,
И не продуманы все «за» и «против»...

Сплошной убыток ждёт всегда того,
Кто не согласовав всего, берётся за работу.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Я ВЕРНУЛСЯ

Здравствуй город – город детства моего.
Ты такой же, как и прежде чудный!
Не изменилось ничего...
Я вернулся!

Всё та же маленькая церковь на бугре
С позеленевшей маковкой на крыше,
И старой звонницей в ограде, во дворе,
Я вернулся!

Всё та же паперть, тот же звон,
И двое нищих на коленях
Встречают с протянутой рукой.
Прихожан, молящих бога.

Церковь, паперть, звон колоколов,
Я внутри придела на коленях,
Осеня себя истовым крестом,
Молю Бога о прощении.

Запах ладана, тёплый свет лампад
У иконы Божьей,
И хор певчих тянет в лад
Алиллюю Господу.

Губы шепчут – Господи прости!
А потом ещё – Прости, помилуй,
Странника невольного, человека грешного,
Родину забывшего.

Родину забывшего, скитальца безымянного,
Родину забывшего, сгинувшего без вести.
Долго я не приходил, Господи, прости меня!
Всё бродил по свету я, всё искал чего-то.

Ничего я не нашёл, ничего хорошего,
Только время зря терял,
Да голову снегом припорошило.
Вот вернулся – Господи прости!

Мне б вернуть то время вспять,
Выйти в поле за город,
И ретивым стригунком,
Допоздна поиграть с ребятами.

Поиграть и поваляться,
Вдохнуть запах травы скошенной,
А потом придя домой,
Повиниться маме за безумства прошлые.

Так стоял я на коленях, Господу молился,
Голову понурив, истово крестился...
Попеняв за это и ещё за что-то
ОН простил мои грехи – я тихо удалился!

Покидал я Божий храм,
С головою поднятой,
С просветлённую душой,
И сердцем успокоенным....

Город детства моего,
Город белокаменный,
Я вернулся навсегда...
Прости меня, пожалуйста.

СОН НАКАНУНЕ РОЖДЕСТВА

Чудный сон приснился мне,
Странный сон, чудесный.
Будто побывал я в гостях у Бога,
И мы посидели вместе.

Побывал в его чертогах,
С ангелами пообщался.
И с самим ключником Петром
Сидя за столом перекликался.

Побывал – ни сколь не вру!
Вместе отобедали,
По бокалу выпили церковного вина,
А потом и побеседовали.

Он спросил, как я живу,
Что пишу-калякаю?
А потом ещё спросил
О детках и про жену мою.

Я, ни сколь не растерявшись,
Стал ему выкладывать
О своих делах-заботах,
И о малых пацанятах.

И ещё ему сказал я, что писать —
Работа адская.
Лучше б сторожем служил я

В виноводочной палатке.

Там хоть премию дают
За ночное бдение.
Ну, а здесь я заработал
Только геморрой и слезотечение.

И о детках рассказал,
В общем, попечаловался,
Мол, такие неслухи растут...
Но, думаю, грех жаловаться.

После обеда отдохнув,
И ещё хлебнув с устатку,
Пошли РАЙ смотреть и АД,
То есть, знакомиться с порядками.

Бедный, бедный, род людской,
Как ему несладко,
Хоть в РАЮ, и хоть в Аду,
Тоже много беспорядков.

Только я хотел спросить,
Боже, как же это?
Люди в РАЙ хотят попасть,
Отдохнуть и помолиться...

Он не дал мне слова молвить —
Бог, есть Бог, чего уж тут!
И ответил мне сурово —
РАЙ не для того, чтоб спину гнуть!

Есть у нас другое место
Для деяния сего,
АД зовётся то местечко,
Хочешь посмотреть его?

Хоть и было любопытно,
Глянуть глазом хоть разок,
Но подумал, ну его к чёрту,
Обойдусь я без таких забот,

Мне не к спеху,
Я успею побывать в АДУ.
Жизнь – она... такая штука,
Мало ли, куда я после смерти попаду.

ОХ, УЖ ЭТА ОСЕНЬ!
Какая мерзопакостная осень,

Глаза б не видели её,
Где багрянец, золото и серебро?
Одна лишь слякоть и больше ничего.

Идут дожди, бушуют ветры,
По хмурому небу тучи плывут,
Деревья зачахли, листва облетела,
Серо вокруг, и на душе серая муть.

Вороны в кучу сбились плотно,
Нахохлились они, деревья облепили,
Даже не каркают – им тоже не сладко,
От сырости, наверное, горло простудили.

Идёт пешеход против ветра, согнувшись,
А ветер ему то полу загнёт, то шляпу сорвёт,
А то вдруг снежком припорошит.
Горе ему, и не только ему.

Мне жалко его, лучше б дома сидел,
На других дураков сквозь стекло любовался.
Не пришлось бы ему против ветра идти,
От дождя под зонтом укрываться.

Я дома один, у окна я стою,
Гляжу я на улицу и на небо гляжу —
Авось просветлеет, авось успокоится:
Я выйти смогу, и ноги чуток разомну.

Но нет, не видно просвета меж тучами серыми,
Они солнце закрыли, не справиться ему одному.
Может Бог поможет ему сладить с такою погодою,
А я, стяхнув скуку с души, опять оживу.

О ЛЮБВИ

Один поэт – вы знаете, конечно, кто,
Однажды написал: «Любви все возрасты покорны!»
Думаю, добавлять здесь больше не надо ничего,
Я полностью согласен с ним – с ним я заодно!

Да, любви все возрасты покорны,
Говорю вам это я от всей души,
И всё, и все вокруг нам в это время
Не только милы и приятны, но и хороши.

Даже злейший враг нам кажется приятным,
И сварливая соседка хороша.
И брат, и сват, и вся ближняя и дальняя родня
Становятся, как никогда, родными для тебя.

Цветы, подарки, поцелуи,
Походы в парк и в ресторан...
Ооо, как Вы прекрасны, дорогая! – лепечешь ты,
И продолжаешь свой удивительный РОМАН.

Но вот приходит миг прозренья
И ты увидел вдруг (Господи прости!),
Вокруг столько ненависти и нелюбви,
Что ими можно весь Мир убить!

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

Я солнечный зайчик,
Я при солнце живу,
Я с солнцем ложусь
И с солнцем встаю.

Я солнцем вскормлён,
Я зайчик светлого дня,
И тёмная ночь
Совсем не для меня.

Энергия солнца бродит во мне,
Энергия солнца даёт силы мне.
И если погаснет солнце навек,
Я перестану существовать, как и человек!

СЧАСТЬЕ

(экспромт)

Я по улице шёл,
Десять «Евро» нашёл,
На душе стало так приятно!

Будто в Бинго сыграл,
И в рулетку сыграл,
И выпало мне счастье неоднократно.

Видно выронил кто
По дороге спеша.
Ну, а я подобрал с охотой.

Я эту «Евро» поднял,
Хорошо рассмотрел,
А она оказалась порвато!

И вот так всю мою жизнь
Никогда не везёт ни в любви,
Ни с находкой однако...

БЕЗ НАЗВАНИЯ

(экспромт)

Землю снег укутал плотно,
На озёрах ледостав.
Холодно.

Я одел скорей шубёнку,
Шапку тёплую достал.
Зима.

Во дворе белым-бело,
Воробьи попрятались давно.
Холодно.

Под застрехи забрались,
И друг к другу прижались.
Зима.

Даже Жучка во дворе
В будку спряталась.
Холодно.

Нос хвостом укрыла
И не вылезит.
Зима. Холодно!

МАЛЕНЬКИЙ

Карапуз, как медвежонок,
Вперевалочку бредёт.
Держит он в руках лопатку,
Видно что-то строить он идёт.

То ли домик, то ли крепость —
Мне пока не разобрать,
Но, что строить – это точно!
Ну, чего здесь не понять.

Выступает очень важно,
Бровки строго насупив,
Сразу видно, что строитель,
Не шофёр и не комдив.

Следом мама, улыбаясь,
Почти рядышком идёт.
На лице её забота,
Вдруг сынишка упадёт?

Если сын вдруг спотыкнётся,
Она тут же подойдёт,

Сына ласково подхватит,
К сердцу нежненько прижмёт.

И промолвит: «Славный мой,
Я с тобою всегда рядом,
Крепко ты на ножках стой,
Ты держись, сыночек мой!»

Я и сам когда-то был
Таким же маленьким и славным,
И города песочные я возводил,
Теперь вот строю настоящие.

Теперь вот вырос, стал большим,
Стал я ладненьким и сильным.
Дома я строю из бетона и стекла —
Вот такая жизнь моя!

НИЩИЙ

Нищий устало бредёт по дороге,
Бедный – устал он, слезу горько льёт.
Он вспоминает былые невзгоды,
И не знает, что впереди его ждёт.

Нищий устало бредёт по дороге,
В кровь уж изранены ноги его,
Сам он ослаб, головою поник он,
Кто ж его бедного в дом согреться возьмёт.

Нищий устало бредёт по дороге,
Горькая дума тревожит его:
Где ж его молодость, где ж его сила,
Куда всё исчезло, ушло от него?

Нищий устало бредёт по дороге,
Рука мелко дрожит на клюке.
Кто б ненароком заглянул в лицо бедолаге,
В глазах бы увидел тоску и боль в душе.

НАЧАЛО ДЕКАБРЯ

Начало декабря, мороз не стылый,
Слегка подмёрзли лужи и земля.
Вороны на деревьях каркают уныло,
На снег, наверное, а может на ветра.

Словно гладкое оконное стекло,
Под ногами трескаются льдинки.
И искрясь под солнцем зимним,
Отражает холодные лучи оно.

На тополях уж листья облетели,
Стоят они, как сиротинки у дверей.
Мне бы впустить их в дом погреться,
Но не могу, много на них ветвей.

На подоконник села желтобокая синичка,
И качая головой, клювиком в стекло стучит.
Возможно, просится в тепло несмело,
Или, удивляясь, хочет у меня спросить,
Почему человек, задумавшись, у окна стоит?

О ЖЕНЩИНА!

(поэма)

Давно все люди говорят и пишут,
Что Бог Адама создал первым.
Но то не так, первой была Ева!
Не верите? Сейчас об этом расскажу.

Однажды Бог сидел в своих чертогах,
На кресле, сотканном из мягких облаков,
А рядом с ним стояли, головы понутив, молчаливо,
Ангелы, архангелы, и сонм божественных рабов.

Господь, в скучающем безмолвии своём,
Совсем уж было рассердился на «молчащих»,
Но тут мыслишка вдруг одна пришла к нему —
Негаданно, неожиданно, и он приободрился.

Чем время попусту терять и в пустоту глядеть,
Решил он Космос украшать с устатку —
Как мы на Новый год гирлянды вешаем на ёлку,
Игрушки разные, и яркую звезду ей на макушку.

Не сомневаясь более ни в чём, он поднял голову:
Иии... Твердь земную создал он, и Небо тоже создал.
Затем, рассыпал веером он Звёзды яркие кругом,
И Солнце жаркое, и Луну на небо он привесил.

И птах небесных, и зверей не счесть,
Потом, подумав, он решил ещё добавить:
Реки, Океаны и Моря, и раскидал он их по тверди,
А увидев всё, сказал – это хорошо, поверьте!

И заселил ОН просторы водные различной рыбой,
И, конечно ж, разным морским зверем заселил,
И дух святой вселил в произведения свои он сразу,
И всё вокруг ожило, задышало, и размножилось.

Любуясь делом рук своих и восхищаясь,
Он после каждого заделья говорил —
О, как прекрасно то, что создал я,
Но чего-то не хватает всё ж вокруг меня!

И понял он: чтобы в созданном им Мире
Всё гармонично было и прекрасно,
Надо сотворить ещё что-нибудь такое..., такое,
Что прекраснее того что создал он, и ему подвластно.

В задумчивости своей перетирал рукой он глину, и...
О чудо! Нечаянно он ЖЕНЩИНУ из глины сотворил
Для полной красоты окружающего его Мира!
И была она не только хороша, а божественно красива!

Вначале Женевьевой *ОН* её назвал,
Потом, ещё немножечко подумал,
В затылке почесал, и сам себе сказал:
Уж слишком я мудро *ЕЁ* назвал.

Два слова в имени её так и выпирают:
Жена..., Ева..., а в общем – Женевьева...
Нет, так дело вовсе не пойдёт.
Пусть будет ЕВА – это больше подойдет..

Пусть будет она просто Евой – женщиной,
Милой и пригожей, как луч утренней зари!
А уж женою она станет, верной иль неверной,
Посмотрим, ведь это её первые шаги.

Раздумья кончились. Да будет так! – сказал Господь,
И пред ним предстала Ева в совершенном неглиже.
Ооо, какое чудо смог нечаянно я сотворить!
Воскликнул Бог, любуясь ЖЕНЩИНОЙ, стоящей ниц.

Продолжая любоваться ею, он всё шептал:
Вот уж точно, с ней попал в десятку я.
И МИР вокруг неё такой прекрасный создал.
Уж точно, всё сотворил я вроде бы шутя, но...

Как только Женщина пришла в себя немного:
Осмотрелась чуточку вокруг, зевнула,
На СОЗДАТЕЛЯ карим глазом чуть стрельнула,
И капризно брови изогнув, сразу упрекнула:

Ты, Господи, прости, прежде, чем меня создать,
Об удобствах лучше бы для меня подумал...
Каки..., таки... – Бог даже заикаться стал,
Услышав от неё, обидные для слуха выраженья.

Какие..., такие..., удобства должен я тебе создать,
Скажи на милость? Я вроде бы и так старался,
Смотри, даже пот каплями стекает с моего лица,
Хотя..., дождём на Землю он изольётся.

А ты подумай, батюшка, сначала, поразмысли,
Не могу ж я голой, какой ты меня измыслил,
Средь всякого зверья, и птиц, и рыб шататься...
Мне ж надо чем-то прикрываться.

Для начала пальмы вырасти, чтоб листьями её
Могла я прикрываться. И не одну, а много.
И украшенья разные – в уши, в нос,
На шею, и на пупок подвески...

Постой, постой! Бог даже как-то растерялся,
А сады, а звёзды, а солнце и луна в небе ясном,
Разве ж то не красота?! Это ж для тебя,
Неужели труд мой был напрасным?

Красота-то, красота, да красота то всё чужая,
А мне нужна лишь красота моя...
Ну..., если ты настаиваешь, прости меня,
Женщина вздохнула – *то* красота иная, не моя.

Чёрт знает, что! Бог страшно возмутился,
Ты, может быть, ещё потребуешь чего?
Так говори, не бойся и, сдержав свой гнев,
Добавил – ладно уж, проси, ты не волнуйся.

А как же, Господи, мне много чего надо:
Желателен верблюд мне персональный,
С погонщиком – ладным, стройным, молодым.
И водопад, чтоб в нём мне полоскаться.

И муж покладистый, богатый, не ревнивый,
Для поддержки нашего потомства.
А ещё..., чтоб был тот муж всегда при мне,
Чтоб ласковым он был, и конечно же красивым.

Господь хотел уж было уши зажимать,
Чтоб хоть немного отдохнуть от просьб и отдышаться,
Но женщина, то есть, Ева, продолжала всё
Перечислять, и добавлять, и прибавлять...

Чтоб любил меня всегда он, а не раз в полгода,
И не вздумал спать с другою стервой никогда,
А только лишь со мной, со своей законною женой.

И чтоб, смотри, пещера просторная и тёплая была!

Да постой ты, погоди! Бог грозно приподнялся,
Ты прервись хоть на минутку и передохни.
Разве ж может в час один иль два, и даже в три,
Всё то, что хочешь ты, быстро так создаться?

Я уж стар совсем, да и сил во мне осталось маловато,
Я для удовлетворенья всех твоих желаний, просьб,
Друга жизни для тебя создам, однако.
Пусть тебя он обеспечивает всем что тебе надо,
А если что..., всегда будет пред тобою виноватым.

Господь быстро в ковшик глины накидал,
Окропил из крана своего водичкою святою,
Плюнул, харкнул, быстренько перемешал,
И тут же пред ним предстал АДАМ – мужчина,
Тоже Человек, и я бы так сказал – ничего собою.

Ева глянула на парня косо, и сказала гневно:
Это что ещё, Господи прости, за идиот?!
Он разут, и он раздет, и верблюда нет конечно!
А потом, потупя глазки долу: Раз уж лучше нет, то...

Бог совсем осатанел от капризов женских,
Поманил Адама пальцем и промолвил внятно:
Ты прости меня Адам, видно что-то я...
Не подрасчитал. Видно «пролетел» изрядно!
Ничего, терпи Адам, как-нибудь притрётесь,
Не всегда ж она такую будет стервой.
Отойдёт, помягче станет. Детки вот пойдут у вас...
Глядишь, свой век потихоньку проживёте.

УШЛА ЛЮБОВЬ

Шум прибоя, чаек крик,
Пена над волнами.
Это море нам дарит
Дни забвенья о любви меж нами.

Майский вечер, звёзды в небе,
Луна корабликом скользит,
Мы стоим вдвоём, как прежде,
Но друг от друга далеки.

Было всё у нас с тобою:
Ласки были, нежность и любовь,
А сейчас, куда всё подевалось?
Когда ушла от нас любовь?

Ты пришла со мной на встречу
В этот вечер золотой, но, увы!
Любви уж нет, только встреча,
Да горечь поцелуя на губах, и всё!

Горечь, горечь – вкус разлуки,
Горечь душу полонит.
Налетела горечь зимней стужей,
Отравила встречи миг.

ЛЮБЛЮ И ЖДУ

Сердце моё, ты не плачь, не стони,
Неужели время любви прошло?
Стужа пришла в сердце моё,
Охладила поток крови.
Замёрзло оно, стало совсем ледяным,
Превратилось в кусочек льда.
Ты вернись поскорей, загляни мне в глаза,
И скажи, что ты любишь как прежде меня,
И жить без меня ты не можешь.
Ты вернись поскорей, загляни мне в глаза,
И любовью своей сердце моё отогрей.
Я жду тебя, я люблю только тебя,
Люблю, как никто не полюбит другой.
Я жду тебя, я надеюсь, поймёшь,
Что любовью играть невозможно.
Такая любовь, какой люблю я тебя,
Ослабнуть с годами не может.
Ты вернись поскорей в объятия мои,
Я жду тебя, я люблю только тебя!
Без твоей любви моё сердце погибнет.
Не увидишь ты слёз души моей никогда,
Не упрекну я тебя никогда-никогда,
И боль души моей тебя не потревожит.
Я всё так же, как прежде, люблю тебя,
А быть может даже больше!

ПОГОВОРИМ С ТОБОЙ, ЧИТАТЕЛЬ?

Поговорим с тобой читатель,
О том, о чём поговорим:
О флоре с фауной, конечно,
О политике и ценах на бензин.
Поговорим о твоей и моей жизни,
О детях наших, о жёнах и мужьях,
Родственников дальних, ближних, вспомним,
И о врагах заклятых иногда.

Нам есть с тобой о чём-то вспомнить,

Большая прожита у нас с тобою жизнь,
Хотя и разные мы люди: я поэт, а ты шофёр,
Иль инженер-путеец, а может плотник ты,
Иль пекарь, артист или кассир.
Но заботы в нашей жизни сходны:
Как детки в школе? И хороший иль плохой
Попался нам сосед.

Вы о себе расскажете немного,
Я тоже выскажусь чуть-чуть,
И будет у нас с вами вроде диалога,
Да и на душе полегче станет вдруг —
Избавимся от груза дум, и разных там забот.
Ну, как, договорились что ли?
Начнём наш диалог? Что время то терять,
Оно ведь дорого, и быстро так проходит...

Мгновением проходит жизнь в заботах разных,
В тревогах и болезнях иногда,
Но всё же мы живём: детей рожаем,
Ходим на работу, на базар, или ещё куда.
Раньше мы кричали хором – «Слава Партии Родной,
что ведёт нас к коммунизму!»
А теперь, опять же хором, мы кричим, раззявя рот:
«Я свободный человек!» и «Ура капитализму!»

Так кто же мы на самом деле —
КПССисты мы, или всё ж капиталисты? Или...
Ты ответь мне дорогой, открой свою мне душу —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.